O.Yu. Abakumov
The Establishment and Operation of the Saratov Provincial Soviet Party School

УДК 37.015(470.44)
ББК 74.03(235.54)

О.Ю. Абакумов

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ СОВПАРТШКОЛЫ

Формирование сети совпартшкол – партийных учебных заведений массового типа, предназначенных для подготовки низовых кадров партийных, советских, профсоюзных организаций, политпросветработников – началось еще в 1920 г. Приступив к восстановлению народного хозяйства после революционных потрясений и Гражданской войны, партийное руководство обратило внимание на качественный состав партии, на кадры, которые должны были стать проводниками марксистских идей в народные массы. В резолюции XI съезда РКП(б) было отмечено, что «бурные годы гражданской войны не дали возможности уделить достаточно внимания и сил поднятию марксистского образования и культурного уровня рядовых членов партии. Ближайшие годы должны быть посвящены именно этой первостепенной важности задаче». Съезд подчеркнул необходимость «повсеместной организации партшкол средней и высшей ступени» [1, с. 622–623]. Планировалось, что областные совпартшколы будут

с годичным, губернские – с шестимесячным, а уездные – с четырехмесячным сроком обучения.

В Саратове создание губернской совпартшколы началось в мае 1920 г. На все организационные мероприятия губернским комитетом РКП(б) было отведено чуть более недели. Школа создавалась буквально на пустом месте. Под учебный процесс и общежитие было выделено помещение на ул. Московской. Руководителям необходимо было не только оборудовать учебные аудитории, но и составить программу на трехмесячный срок обучения, подобрать лекторов, сформировать библиотеку. Новая советская литература была большой редкостью, поэтому несколько экземпляров первого учебника под названием «Азбука коммунизма» студентам выдавал лично заведующий губсовпартшколой Иосиф Алексеевич Иванов (1890–1924), причем не для индивидуального чтения, а на комнату, для группового изучения.

В установленный губкомом день – 15 мая 1920 г. – в совпартшколе начались занятия. В числе первых слушателей преобладали армейские политработники, направленные воинскими частями на партийную учебу. Губсовпартшкола была полувоенным учреждением. Она находилась в хозяйственном подчинении у губвоенкомата и в материальном отношении снабжалась как военная часть.

Партийные кадры новой власти были жизненно необходимы, и даже трехмесячный срок обучения казался очень долгим. Первый выпуск был произведен досрочно: часть курсантов отправились добровольцами на польский фронт – участвовать в революционном походе на Варшаву и Берлин, остальные были брошены на практическую работу в деревню. Второй выпуск тоже оказался досрочным: преданные власти кадры необходимы были для осуществления продразверстки. Принудительная сдача государству сельхозпродукции вызывала естественную реакцию сопротивления со стороны крестьян. Для подавления крестьянского недовольства, обеспечения снабжения города и сохранения власти большевикам требовались энергичные, преданные идее, жесткие проводники партийного курса («лучшие и устойчивые товарищи»), которых и находили в губсовпартшколах.

Потребность в практических работниках была столь большой, что какое-то время в губсовпартшколе действовали даже 10-дневные курсы, на которых можно было лишь отфильтровать балласт и вооружить пропагандистскими лозунгами новых рекрутов революционной идеи [2, с. 2]. Важность партшколы для упрочения новой власти понимали и в Саратовском губкоме. Проведенная в январе 1921 г. проверка констатировала оторванность школы и от губкома и от ее непосредственного руководителя – агитотделения губполитпросвета. «Ввиду особой важности и особой значимости губпартшколы» было признано необходимом установить тесные контакты с губернскими органами и оказать практическую помощь в налаживании учебы и в хозяйственном обеспечении.

Характеризуя учебный процесс, комиссия отметила: «Положенный в основу работы метод рассчитан на самодеятельность учащихся (групповая работа) и может быть признан вполне правильным – при наличии подготовленных руководителей (политруков) групп. В настоящее время в этом отношении дело обстоит неважно. Кадр политруков, набранный из окончивших губпартшколу

прошлого созыва, неудовлетворителен и нуждается в постоянном инструктировании. Распределение работников школы носит случайный характер. Лица, способные вести работу в группах, иногда заняты в адм.-хоз. части и наоборот». Поэтому агитотделению губполитпросвета было предписано: «Распределить работающих в школе товарищей так, чтобы их способности были максимально использованы», обучить политруков «приемам и методам групповой работы», составить список книг, рекомендуемых для чтения курсантам и политрукам, и «озаботиться подбором этих книг», увеличить количество лекторов и привлекать для проведения занятий ответственных партийных работников. Хозяйственные поручения были довольно прозаичны: «Восстановить существовавшее ранее самообслуживание учащихся. Кроме устранения загрязненности помещений, это имеет и огромное воспитательное значение, принять меры к расширению помещения школы, т.к. теснота, которая увеличивается еще более, как только съедутся курсанты с продработы, не дает возможности хоть сколько-нибудь улучшить положение; обеспечить курсантов еженедельной баней; обеспечить хотя бы в минимальном количестве мылом; разрешить вопрос с прачечной; обеспечить школу достаточным количеством соломы для тюфяков; обеспечить дровами; если представится возможность, дать по 1 паре белья» [3, л. 3].

Летом 1921 г. руководство губсовпартшколы готовилось начать новый этап обучения, определяло кадры преподавателей и политруков по курсам политэкономии, истории рабочего движения на Западе и в России, русскому языку, географии, природоведению, учению о государстве, историческому материализму. Но прибывшие кадры будущих партийных организаторов были весьма слабо подготовлены к предстоящей учебе. По признанию руководителей школы, «часть товарищей, абсолютно неграмотных и неразвитых, была отправлена». При испытании остальных выяснилось, что «если одни прошли уездные совпартшколы, то другие не знали, как называется наше государство, точно так же по классовому сознанию и при устном собеседовании чувствовалась большая разнородность». «Одни имели среднее образование (законченное и незаконченное), а другие едва умели читать и писать», – признавал заведующий школой С. Ополов. Из 159 курсантов летнего (четвертого) набора 1921 г. 102 имели низшее и незаконченное низшее образование, а 15 освоили грамоту, только занимаясь самообразованием. Состав курсантов подбирался стихийно: «Большая часть курсантов попала в школу из лазарета, впоследствии расформированного, женотдела и профсоюзной организации. Здесь поступление в партшколу диктовалось главным образом стремлением «устроиться» [3, л. 37].

Учебный процесс шел с большим трудом, не хватало пособий, квалифицированных преподавателей, раздражали курсантов хозяйственные работы и назначения в караулы, перебои со снабжением. Осенью 1921 г. в связи с продовольственным кризисом курсантам выдавалось «3/4 фунта хлеба в день, рыбы около 7 фунтов в месяц, немного масла и совсем отказано в крупе». Остро стоял и вопрос обеспечения обмундированием, обувью и бельем. Губернская власть выделила 100 пар обуви и 250 комплектов белья для обучающихся. По признаю заведующего школой, «раздачей этой обуви и белья, а также раздачей на рубашки, брюки и платья мануфактуры (имевшейся на складе губпартшколы) была

частично удовлетворена общая нужда курсантов, оборванных и большей частью босых». Все это сказывалось на настроениях курсантов.

Руководитель школы с тревогой сообщал в губком, что «в последнее же время дисциплина опять стала падать, стали говорить о том, что «сначала нас оденьте и лучше нас кормите, а потом требуйте исполнения обязанностей». Подстрекателей он видел в числе оставленных для работы в партшколе выпускников третьего набора, принадлежавших к группе анархо-синдикалистов. В числе опасных анархистов Ополев указывал: «…дочь князя Чегодаева, курсантка Полтинова (кандидат РКП), оставленная при партшколе политруком, (по словам следователя ЧК, тоже дочь князя), делопроизводитель партшколы Трубников (сын помещика), проникший также в ячейке партшколы в кандидаты РКП. Это еще ярче показывает, как иногда производится посылка и набор курсантов в партшколу». Обращал он внимание и на слабость командного состава: «В газетах писали о грубом обращении с курсантами комроты, были даже заменены»; «некоторые из командиров влияли в школе разлагающе»; «мною за последнее время было установлено, что комсостав запирался в позднее время с некоторыми курсантками в своей комнате (что может подтвердить председатель курскома)... В школе есть курсанты и курсантки, которые своим поведением накладывают пятно на партийную школу, они сейчас намечены к откомандированию» [3, л. 37–38].

Действительно, архивные документы по губпартшколе зафиксировали случаи откомандирования. Сохранилось письмо в Первый РК РКП(б) Саратова: «Губпартшкола препровождает при сем в ваше распоряжение курсантов Корбмахера Григория, уволенного из школы за хулиганство, нанесения всякого рода грубостей курсантам, брань отборными, непристойными словами, за манкирование занятий, и Рыжикову Марию, уволенную за нарушение элементарных начал этики и индифферентное отношение к занятиям» [3, л. 25].

После окончания полномасштабной Гражданской войны все помыслы курсантов и преподавателей губсовпартшколы уже связывались с мирной жизнью и строительством нового общества. Председатель губернского военного Совета жаловался ответственному секретарю губкома РКП(б) И.Д. Мартынову: «Несмотря на постановление Губкома и постановление Губвоенсовета о необходимости военного обучения, в Губпартшколе поставить образцово, имея в виду выпустить не рядовых стрелков, а могущих занять младшие командные должности, выпустить инструкторов для милиционной коммунистической армии, встречаются препятствия со стороны администрации Губпартшколы, т.е. вместо установленных ежедневных 2 час. военных занятий сокращено до 1 час. Это равносильно совершенно не вести занятий, ибо военное дело не лекционное, пока выходят на плац для занятия, пока выстраиваются и проходит 1 час, и надо возвращаться в школу» [3, л. 24]. Весь этот комплекс проблем потребовал кардинальных перемен.

В ноябре 1921 г. новым заведующим губсовпартшколой был назначен опытный партийный работник Николай Николаевич Гуляев (1896–?), ранее уже работавший в школе. Партийная школа перебралась в более пригодное помещение бывшей женской гимназии (ул. Первомайская, 75). Учебный процесс

наладился, хотя перебои в финансировании и снабжении продовольствием сохранялись. Один из курсантов вспоминал в 1925 г. то время: «Тогда наш стол был не то, что теперь: вечером и утром чай с черным хлебом и то в обрез. В обед суп... – прозрачная вода, в которой плавает кусок древней рыбы, на второе чечевичная каша (белков в ней много! – говорили хозяйственники). Никаких вещевых в то время как не знали, да и стипендия была 10 рублей. Одежда учащихся пестрела заплатками. На складе отыскали полушубки, они представляли из себя только историческую ценность, и начали распределять по заявлениям, затем притащили солдатские ботинки и многих «одели» [4, с. 2].

В декабре 1921 г. курсанты были отправлены в Заволжье, где продолжали сопротивление советской власти «степные партизаны» атамана Серова. Зимой активные боевые действия обычно не велись, и курсанты участвовали в охране ссыпных пунктов, элеваторов, железнодорожных станций. По окончании двухмесячной командировки учебный процесс был продолжен.

В одной из еженедельных информационных сводок, представленной 11 марта 1922 г. секретарем партийной ячейки ГСПШ в райком партии, на вопрос «Чем недовольны рабочие, служащие, спецы?» давался довольно обстоятельный ответ: «Курсанты недовольны своею необеспеченностью в денежном довольствии... и в смысле антисанитарного состояния комнат и недостатка мыла. По приезде из боевой экспедиции 10% заболеваемости тифом. Сотрудники школы (рабочие, канцелярские служащие) недовольны неравным распределением пайков между низшими служащими и лекторским составом. Так некоторые получают полный паек за 3 дня занятий в неделю, а работники физического труда за ежедневною работу – получают пониженную норму продовольствия». Как видим, лозунги о социальном равенстве оставались лишь красивыми словами и не выдерживали столкновения с действительностью. В целом же все было стабильно: «Курсанты интересуются политическим и экономическим вопросом республики (дело Генуэзской конференции, 11-го съезда РКП, сессия Коминтерна, 9 съезд Советов)... Курсанты спокойны в настоящее время... Агитации зловредной не ведется» [5, л. 15–15об].

Параллельно с организацией нормальной работы губернской партшколы обсуждался вопрос о создании в Саратове коммунистического университета. После того как в мае 1922 г. Саратовский губком РКП(б) принял решение об открытии Комвуза, вся практическая подготовительная работа легла на плечи руководства и преподавателей губсовпартшколы. С поставленной задачей они справились, и в середине декабря начались учебные занятия студентов-комвузовцев.

Саратовский областной коммунистический университет, губсовпартшкола и уездная совпартшкола существовали как единый комбинат, во главе с ректором и самостоятельными учебными частями, ведавшими организацией занятий. Первоначально это структурное объединение казалось оправданным. Ревизовавший в марте 1924 г. СОКУ А. Рындич отмечал: «Комбинат – объединение Университета с партшколами вполне жизненен… партшколы много выиграли от объединения в смысле обеспечения преподавательскими силами и т.д. Курсанты много приобретают благодаря совместной работе с студентами» [6, л. 20 об.].

О том, как работала ГПШ на новом этапе, позволяют судить публикации в

местной партийной печати и в газете Саратовского Комвуза «Резервы марксизма». Характеризуя пятый набор курсантов ГПШ, парторг СОКУ М. Вакуленко писала: «В губпартшколу попал тот, кто только мог всеми правдами и неправдами добиться командировки». Несмотря на категоричность суждения, речь не идет о прежней практике сплошного, поголовного набора: состав школы самый разнообразный – от комсомольских и партийных секретарей волостных комитетов до «рядовых работников деревушки и хутора». Это уже не искатели революционной романтики и партийной должности, а проявившие себя практические работники низового звена. Что сближало этот набор с прошлыми, так это уровень подготовки, дававший «чрезвычайно пеструю картину».

К 1922 г. в ГСПШ изменилась организация учебного процесса. Действовавший в то время метод М. Вакуленко называла «лабораторно-эвристический», поясняя: «Каждый преподаватель ведет строго-научную лекцию-беседу, по мере возможности иллюстрирует ее и в следующий час, путем наводящих вопросов, помогает аудитории усвоить материал». Опыт двух триместров показал, что курсанты группы, состоявшей «преимущественно из практических работников, работавших за время революции на всех фронтах и во всех кампаниях, но имевших очень слабую подготовку при поступлении», «научились основательно по-марксистски анализировать любую эпоху древней и средней истории, решать формулы математики и понимать законы физики». Учитывая, что такой потрясающий результат достигнут за полгода, создается впечатление, что словами «основательно» и «по-марксистски» обозначены взаимоисключающие понятия и на практике возможно что-то одно.

Свои «искания» были и в «проработке» учебного материала, то есть в подготовке домашних заданий. Суть практикуемого метода сводилась к тому, что курсанты разбивались на группы по 6 человек, эти группы собирались ежедневно, и курсанты сообща готовили уроки: «Тут просматриваются и исправляются классные записки, разбирается текст прочитанного или читаемого материала, причем в каждой шестерке находится более подготовленный товарищ, который руководит и направляет работу шестерки». Создавалась внешняя идиллия: «Малоуспевающие имеют возможность приобрести необходимые знания, а руководитель получает практический навык» [7, с. 61]. На деле же лидеры подавляли слабоуспевающих, хотя зачастую и помогали, протаскивая их и через коллективную сдачу зачетов. Этот способ был оправдан в условиях нехватки литературы для вовлечения в учебу недостаточно подготовленных, для привития навыков систематической работы, для отработки навыков взаимодействия в коллективе, убеждения, полемики.

Через два месяца после публикации статьи М. Вакуленко, в канун выпуска пятого (годичного) набора ГПШ, курсант Мятежный писал в том же журнале о работе школы, но уже рассуждая с позиций курсанта. Он отмечал: «Курсанты получили здесь солидную общеобразовательную подготовку: они научились чисто практически использовать почерпнутые ими знания в области математики, физики, ботаники и др. наук» [8, с. 33], то есть в первую очередь подчеркнута роль школы в изучении общеобразовательных предметов. Собственно говоря, курсантов вооружили марксистской схемой социально-экономического анали-

за, достаточно четко выполнив установку ЦК партии. «Серьезная задача подготовки партийного и советского работника, твердо и точно знающего свое дело», как первоначально (октябрь 1920 г.) определил ЦК РКП задачи совпартшколы, не может быть осуществлена, если этот работник не будет обладать ясным последовательным марксистским мировоззрением, если он не овладеет методом марксизма, как в области сознания мира, так и в области его переустройства», – писал один из главных теоретиков партийной учебы А. Рындич [9, с. 27].

Что же касается декларируемых практических навыков политической и организаторской работы, то о них в Саратове вспомнили в последний момент. Состоявшийся в апреле 1923 г. съезд губсовпартшкол отметил острый недостаток кадров на местах и высказался против продления учебного года, поэтому в Саратовской партшколе и решено было создать краткосрочные секции: профессиональную, партийную, советскую, юношескую, библиотечную, женскую, куда распределили курсантов в соответствии с их интересами. Рекомендовали курсантам посетить и специальные циклы лекций по кооперации и сельскому хозяйству.

Система совпартшкол постоянно совершенствовалась, проходившие съезды практических работников системы партийной учебы корректировали учебные планы, реагировали на новые конкретные задачи в области подготовки кадров. 30 мая 1926 г., подводя итоги первого года работы по измененной программе, представитель учебной части Саратовской партшколы отмечал в газетной публикации: «Новая ГПШ получила более определенное назначение: подготовить кадры деревенских политпросветработников, главным образом – избачей», подчеркивая, что «изба-читальня – центр культурно-просветительской работы местных деревенских сил; изба-читальня должна и может сделаться центром, организующим всю хозяйственную и общественную жизнь деревни, а избач одним из организаторов новой жизни, нового быта, новой идеологии в деревне».

Для достижения новых целей в прежние программы были включены дополнительные предметы: хозяйственное строительство в деревне, работа ВЛКСМ в деревне, организация и методы политпросветработы в деревне, партстроительство в деревне. Дополнялись и традиционные учебные дисциплины. В курсе истории ВКП(б) и ленинизма «особое внимание было уделено роли крестьянства в мировом рабочем движении вообще и в Октябрьской революции в частности». В курсе биологии внимание концентрировалось на объектах сельского хозяйства. Помимо практических знаний, было обращено особое внимание на выработку «самостоятельности и настойчивости» – качеств, «необычайно необходимых деревенскому работнику» [10, с. 1]. Заведующий учебной частью ГСПШ В. Егер убеждал курсантов в необходимости приобретения прикладных знаний и навыков: «Универсалист и практик, умеющий близко стать к материальному крестьянскому труду, – вот идеал деревенского работника». Приезжающих в деревню лекторов и докладчиков крестьянин считает бездельниками, поэтому «необходимо, чтобы он видел в лекторе, докладчике и т.д. «всамделишного» человека, похожего на него самого своими интересами, деятельностью и трудовым бытом». [11, с. 3].

Учебные занятия в ГПШ строились по лабораторному методу (Дальтон-

план). Двухлетний период обучения предусматривал изучение: политэкономии (150 час.), хозяйственного строительства (225 час.), экономической географии (120 час.), государственного строительства (130 час.), истории классовой борьбы (240 час., два года), истории ВКП(б) (330 час., два года), ленинизма, естествознания (190 час., два года), русского языка (180 час.), математики (180 час., два года), исторического материализма (90 час), партийного строительства (80 час.), политпросветработы (80 час.), методики агитации и пропаганды (105 час.), работы комсомола в деревне (80 час.), агрикультуры [12, с. 2].

По каждому предмету студент получал комплект методических материалов (задание, план работы, списки обязательной и дополнительной литературы), которые в течение двух недель в удобное для себя время должен был изучить, работая в кабинетах и библиотеке. Преподаватели проводили установочное занятие, консультации, руководили подготовкой и осуществляли проверку письменной работы, заслушивали итоговый доклад на конференции. Несомненным плюсом такой организации должна была стать возможность дать оценку качества выполненной работы каждым курсантом. Но по ученическим заметкам в газете видно, что преподаватели достаточно формально относились к проверкам работ и к итоговому зачету могли оценить успехи не всех студентов [13, с. 2].

Традиционно преподавание увязывалось с современностью, с практическими потребностями государства. Опыт социалистического строительства позволил уже критически оценивать труды и взгляды недавних вождей, ставших теперь оппонентами в политической жизни. «Тема по истории ВКП(б): «Годы империалистической войны и февральская революция» охватывает злободневные моменты для внутрипартийной жизни – исторический анализ ленинской, троцкистской и каменевской позиции в этот период», а тема по курсу экономической политики «Экономика переходного периода» – дает правильную установку на это вопрос, вскрывает теоретическую несостоятельность «теории социалистического накопления» Преображенского, а предмет «Методы агитации и пропаганды» в первом же задании прорабатывает вопрос о формах агитационно-пропагандистской передачи полученных в школе знаний», – сообщал А.П. Гагарин [14, с. 40].

Упор на индивидуальную работу в процессе учебы курсантами оценивался по-разному. А. Перевертайло считал: «Метод занятий в губпартшколе есть самостоятельная исследовательская проработка тех или иных вопросов. Безусловно, этот метод дает громадную пользу тем, кто приехал сюда действительно учиться, и этот же самый метод «хорош» еще тем, что отдельные личности при нем могут великолепно лодырничать». В доказательство курсант обращался к стенгазете «Партшколец», которая из номера в номер отмечала «уменьшение посещаемости и пренебрежение к занятиям» [15, с. 2].

Иную точку зрения отстаивал курсант-второкурсник Ф. Николаев, считавший «самостоятельный метод» «гораздо лучшим и целесообразным», так как, используя его, ГСПШ старается «научить товарища так, чтобы он не только в школе, но и вне ее смог бы в книжном и газетном материале разобраться самостоятельно». [16, с. 4]. Открывавшиеся возможности учащимися использовались с энтузиазмом. Курсант Д. Кондратьев признавался: «Нарушая регла-

мент работ, вместо 6 часов, мы работали больше, иногда и в ущерб здоровью». Видно, с каким трудом составлялись им из привычных партийных лозунгов фразы газетной заметки: «Это знание мы проверим на практике летом, зная хорошо деревню, сумеем закрепить знание, увязав теорию с практикой» [17, с. 4].

Важным компонентом воспитательной работы среди курсантов и студентов была клубная работа [18, с. 12–13]. Секретарь партийной ячейки СОКУ М. Вакуленко в своей заметке о ГСПШ особое внимание уделила клубу – «яркому месту разумного коллективного творчества»: «Здесь сосредотачивается самая разнообразная умственная деятельность курсантов: индивидуальные занятия, изучение пролетарской литературы, уроки самокритики, разбор материала для стенной и устной газеты и т.д.» [7, с. 62]. Через два месяца в журнальной статье курсант Мятежный добавляет некоторые детали и правит текст М. Вакуленко: «Клуб является средоточием, где курсанты проявляют свои способности в культурной области». Показательно, что самый большой кружок ГПШ – это кружок физической культуры, который «заметно продвинулся вперед благодаря опытному руководителю, выдвинутому из среды самих учащихся» [8, с. 34], т.о есть интерес и инициатива обучающихся, неформальный лидер из их среды сделали кружок самым популярным.

К пролетарским праздникам кружки готовили совместные выступления, на такие представления приходили представители «родственных пролетарских организаций»: водного транспорта, грузчиков, подшефных воинских частей. «Но беда только в том, что бедны мы, как церковные крысы: голые стены, нет декораций, красок, пособий и пуст и неуютен читальный зал», – сетовала М. Вакуленко, отмечая, что «если бы не наш дорогой сосед – коммунистический университет, – клубная работа Совпартшколы давно замерла» [7, с. 62].

Еще одним немаловажным воспитательным фактором было участие курсантов в органах самоуправления. М. Вакуленко обращала внимание на то, что «каждый управитель и член такой организации должен обладать известной чуткостью при подходе к другим курсантам и выдержкой, ибо, распоряжаясь судьбами своих товарищей, удовлетворяя их нужды, можно легко оторваться от массы и потерять свой авторитет» [7, с. 61]. Органы самоуправления были совместные с комуниверситетом и служили формированию управленческих навыков и закреплению механизмов коллективизма.

Следует, однако, признать, что курсанты тяготились соседством с Комвузом. Анализируя практику проведения общих собраний, курсант Дергунов отмечал, что на них едва ли вообще выступал хоть один курсант школы, который «в большинстве случаев чувствовал себя менее опытным и развитым, нежели студент, и вообще у курсантов отсутствовала всякая инициатива, как по линии учебной части, так и по линии самоуправленческой» [19, с. 2].

Для борьбы с пережитками и пороками буржуазного общества в 1926 г. по инициативе старост учебных групп ГСПШ началось формирование своего товарищеского суда, «как наилучшей формы изжития ненормальностей». Он состоял из трех членов и одного кандидата, отобранных из наиболее авторитетных курсантов. Дела, которые должны быть вынесены на рассмотрения этого суда: «индивидуализм; нетоварищеское отношение; бытовые вопросы комбината; раз-

личные нарушения; половой разврат». По мнению курсанта Д. Кондратьева, «здесь наша задача сводится к тому, чтобы в своем быту – курсантском – исправлять все дефекты, мешающие коллективизации – устранять причины, которые дискредитируют наш коммунистический очаг, тем самым не допустить уродства курсантов, предназначающихся для пропагандистской массовой работы» [20, с. 4].

Особо следует отметить партийную ячейку ГСПШ, которая представляла собой, по выражению М. Вакуленко, «коллективный партийный глаз, совесть и ум». Естественно, партийное руководство носило всепроникающий характер: «Тщательно обсуждается президиумом ячейки каждая кандидатура всех организаций и представительств». Президиум партячейки влиял на работу предметных комиссий, школьного совета, заслушивал отчеты и давал указания. [7, с. 62]. С точки зрения курсанта, такое пристальное внимание коллегиального органа играло позитивную роль: ячейка «ставила на собраниях доклады о проделанной тем или иным курсантом работе, где они учились на тех ошибках, которые иногда подмечались их товарищами» [8, с. 34]. Действовала в школе и система партпросвещения: обсуждались актуальные партийные директивы, решения конгрессов Коминтерна и Съездов Советов. Как писал в июньском номере «Вестника Саратовского Губкома РКП» (1923 г.) курсант Мятежный, «приступлено в специально организованном кружке к изучению материала 12 съезда партии» [8, с. 34].

Некоторое представление о жизни партячейки в 1925/26 учебном году дает заметка парторганизатора Ф. Николаева: «Собраний было 5, на которых основных вопросов проработано 12, мелких разнохарактерных 5. Из них общественно-политических 6, партжизни ячейки 3, жизни и деятельности СОКУ и ГПШ -3... Выступлений в прениях по всем основным вопросам было 41... Собрание укладывается в три часа и проходит, нужно сказать, оживленно... Доклад распределяется между партийцами первого и второго курсов, но большей частью с первого, так как первокурсники гораздо больше имеют свободного времени». Посещаемость колебалась от 50 до 65 чел. (в среднем 86%). Численность парторганизации была примерно 70 чел. (36 – второкурсники, 24 – первокурсники, 10 – служащие школы). Формальные показатели иллюстрируют именно то, на что обращалось первостепенное внимание, при общем одобрении всех предлагаемых решений важно было знать, сколько именно принимало участие в собрании, как голосовали, были ли приглашены комсомольцы и беспартийные [21, с. 3].

В то же время на партийных собраниях (правда, закрытых для комсомольцев и беспартийных) обсуждались и животрепещущие вопросы. В феврале 1926 г. на таком собрании было выражено недоверие ректору СОКУ Ф. Морозову, а курсант Ф. Николаев поставил вопрос и о смене заведующего учебной частью ГПШ В. Егера, который, как он считал, фактически устранился и от руководства школой, и от решения проблем курсантов. Свои критические замечания, в несколько смягченном виде, он изложил позже на страницах газеты «Резервы марксизма» [13, с. 2].

Важной частью обучения в ГСПШ была практическая работа вне стен школы. Курсантов направляли групповодами и пропагандистами в рабочие коллек-

тивы и школы политграмоты, работали они в детских домах и среди пионеров. Для руководителей Саратовской губсовпартшколы было важно, что курсанты на практике приобретают практический опыт, «улавливают настроения и требования масс», испытывают на себе здоровое влияние рабочей среды [7, с. 62]. Однако часто такое прикрепление к организациям было формально. Курсант Д. Кондратьев на страницах комвузовской газеты негодовал: «Практическая работа не дала ожидаемых результатов… едва 10% были использованы правильно. Грубо выражаясь, прикрепляли «огулом»» [17, с. 4].

В годовом отчете Саратовского Комвуза за 1925/26 учебный год, представленном в губком ВКП(б), оценивался опыт существования комбината СОКУ – ГСПШ: «Такое объединение давало ряд материальных выгод и ставило сосуществование в одном здании двух разнопрограммных школ. Однако с течением времени выявились и отрицательные стороны, на которые указывают все чаще и чаще и сами курсанты: подавление инициативы курсантов более развитыми и многочисленными студентами Коммунистического университета – на общих собраниях, в различных комиссиях и организациях Коммунистического университета, во всех мероприятиях и действиях комбината – ставит партшколу в положение подчиненное, пасынковое. Все это дает отрицательные результаты в смысле воспитания курсантов». Губернские власти услышали мнение коллектива Комвуза [22, л. 4]. К тому же по заданию губкома была проведена проверка действовавших уездных СПШ. Отметив достигнутые улучшения губкомовская комиссия признала, что «все же положение остается тяжелым». На первом месте стояли жилищные условия, препятствовавшие нормальной организации учебного процесса.

Учитывая растущую активность бедняцко-середняцких слоев деревни, «партия должна направить эту активность по правильному руслу, что можно достичь через усиление работы всех деревенских общественных организаций, насыщением деревни хорошими работниками за счет посылки из городов и через систематическую переподготовку и подготовку самого деревенского партийно-комсомольского актива», в этих условиях бюро губкома постановило: «основным мероприятием, при осуществлении которого возможно улучшение учебно-воспитательной работы и большая материальная обеспеченность СПШ и улучшение качества выпускаемой продукции, является необходимость слияния всех СПШ в одну. Местом объединения считать Саратов», – писал орган саратовского губкома ВКП(б) журнал «Коммунистический путь» [23, с. 84].

Таким образом, с 1927 г. ГСПШ стала действовать как губсовпартшкола 2-й ступени, объединив ресурсы и контингент трех уездных школ (Саратова, Вольска, Балашова) выгода от такого слияния была очевидна: устранена малокомплектность, улучшено обеспечение учебными материалами, обеспечен должный уровень преподавания, облегчен контроль и методическая помощь идеологических структур губкома, упразднен дублирующий свои функции аппарат управления. Расположение объединенной школы в губернском центре позволяло вести переподготовку кадров в соответствии с потребностями и заданиями губернских органов, близость к музеям, театрам разнообразила культурно-просветительскую работу, многочисленные городские лектории и публичные мероприятия были теперь доступны курсантам.

Реформированная школа насчитывала 345 курсантов, в ней действовало три отделения: немецкое (Оренбург, Самара, Пенза, Сталинград направили для учебы по 5 чел. и 7 – Саратов), татарское (укомплектовано партийными организациями Тамбова, Сталинграда, Уральска – по 5 чел. и 7 чел. от Саратов) и мордовским (Самара, Пенза, Ульяновск дали по 5 чел. и 4 чел. – Саратов). Большую часть нового набора составляли демобилизованные красноармейцы 34 чел. Помимо них на учебу направили Сердобский уезд – 20 чел., Петровский, Аткарский – по 25 чел., Новоузенский – 18, Саратовский – 16, Балашовский – 33, Вольский – 57, три района Саратова – 44, Камышинский – 13. План набора был перевыполнен почти на 100 чел. Налицо был и количественный и качественный рост курсантов. Если в 1924 г. членов и кандидатов в члены РКП(б) было только 27%, в 1926 74%, то в 1927/28 учебном году все обучающиеся были кандидатами и членами партии. Менялся и возраст курсантов: в 1924 г. 47% были старше 22 лет, в 1926 г. – 64%, а в 1927 г. – 75%, то есть на учебу пошли зрелые, партийные активисты низового уровня. По социальному составу учащихся традиционно значительно преобладали крестьяне. За счет внутренних ресурсов при школе была создана «Совпартшкола на дому» и «Вечерняя школа», принимавшие всех окончивших низовые школы политграмоты [14, с. 40–41].

Куда же направлялись выпускники? Курсант Ф. Николаев сообщал об итогах распределения 35 выпускников 1926 г.: на уездную партработу 3 чел., на комсомольскую, политико-просветительскую и другую в уезды – 6 чел., на волостную партийную, советскую, комсомольскую и другую работу – 23 чел., на районную пионерскую – 1, на низовую деревенскую – 2 чел. [9, с. 2]. О распределении следующего года известно, что выпуск 1927 г. дал деревне 10 пропагандистов, 7 обществоведов, 5 секретарей волкомов ВКП(б), секретарей волкомов ВЛКСМ – 8 (75% от потребности), 15 волостных политпросветорганизаторов и избачей (половина от поступивших заявок). По признанию А.П. Гагарина, «фактически школа дает не узкий кадр «пропагандистов и избачей», а товарищей, идущих на все отрасли низовой партработы» [14, с. 41].

Задачи социалистического строительства требовали подготовки не только пропагандистских кадров, но и руководителей сельских парторганизаций, комсомольских работников, инструкторов по работе среди женщин. С началом коллективизации резко увеличилось количество совпартшкол. К 1933 г. в СССР работали 256 совпартшкол, в которых обучались 50 тыс. человек. С 1 января 1934 г. началась очередная реорганизация системы совпартучебы. Вместо двухгодичного установлен 8-месячный курс обучения, ориентированный на потребность региона в низовых работниках для промышленности или сельского хозяйства [25, с. 116].

Опыт работы Саратовской ГПШ показал, что партшкола достаточно успешно и оперативно выполняла партийные директивы, связанные с подготовкой кадров для формировавшейся политической системы. Если в первые годы своего существования партшкола переваривала достаточно пестрый по социальному составу контингент искателей «тепленьких местечек», то впоследствии сложилась система отбора на партийную учебу лиц, имевших опыт практической

деятельности. Фактически школа осуществляла переподготовку низового партийного, комсомольского, женсоветского актива. Не предъявляя (в отличие от СОКУ) серьезных требований к начальному образовательному уровню, партийному стажу и опыту практической работы, ГСПШ вела успешную образовательную работу со взрослыми, практикуя современные методики обучения, экспериментируя в организации учебного процесса. Очень точно определил значение ГСПШ курсант Ф. Николаев: «Школа не дала больших знаний, но она выработала до некоторой степени, у каждого курсанта, марксистское миросозерцание» [13, с. 2]. Наиболее способные выпускники получали возможность продолжить образование в Саратовском Комвузе или даже в Москве на различных курсах. Актуальные партийные лозунги, простые мыслительные схемы, приспособленные для решения сложных вопросов, заученные марксистские догмы, воспитанные упорство и вера в правоту партийного курса – с таким багажом отправлялись выпускники ГСПШ в деревню. Для неполучивших элементарного образования, для непрочитавших ни одной книжки, для едва осиливших «Азбуку коммунизма» губсовпартшкола открывала путь в новую советскую элиту. Этот путь был долгим, начинался он с низовой работы в волости (реже районе), но направление этого движения было определено.

Библиографический список

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1: 1898–1953. М., 1953.

2. *Гуляев Н.* К двум юбилеям // Резервы марксизма. 1925. 13 дек.

3. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 663.

4. *Зеленяк Н.* Из прошлого ГПШ и СОКУ // Резервы марксизма. 1925. 13 дек.

5. ГАНИСО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 123.

6. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 834.

7. *Вакуленко М.* Из жизни и работы губсовещания // Вестник Саратовского Губкома РКП. 1923. № 4.

8. *Мятежный*. Из жизни и работы Губсовпартшколы // Вестник Саратовского Губкома РКП. 1923. № 6.

9. *Рындич А.* Коммунистическое воспитание в Совпартшколе // Коммунистическое просвещение. 1922. № 3.

10. Уч. часть ГПШ: Год работы на новых рельсах // Резервы марксизма. 1926. 30 мая.

11. *Егер В.* Совпартшкола – лицом к деревне // Резервы марксизма. 1925. 5 нояб.

12. *Николаев Ф.* Итоги двухгодичной учебной работы в ГПШ // Резервы марксизма. 1926. 21 апр.

13. *Николаев Ф.* К учебе на 2 семестре // Резервы марксизма. 1926. 8 февр.

14. *Гагарин А.* Школа Ленинских резервов (К открытию Объединенной Губсовпартшколы II ст. в г. Саратове // Коммунистический путь.1927. № 18.

15. *Перевертайло А.* Учеба на I курсе ГПШ // Резервы марксизма. 1925. 15 нояб.

16. *Николаев Ф.* Об учебе на 2 курсе ГПШ // Резервы марксизма. 1925. 13 дек.

17. *Кондратьев Д.* К итогам за год в ГПШ // Резервы марксизма. 1926. 30 мая.

18. *Абакумов О.Ю.* Первые годы работы Саратовского Комвуза: становление системы подготовки кадров // Вестник ПАГС. 1912. № 4.

19. *Дергунов.* Перспективы работы яч. ВКП(б) при губпартшколе // Резервы марксизма. 1926. 7 окт.

20. *Кондратьев Д.* К работе товарищеского суда в ГПШ // Резервы марксизма. 1926. 15 дек.
21. Николаев Ф. Деятельность партколлектива ГПШ (за первый семестр) // Резервы марксизма. 1925. 5 нояб.
22. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 380.
23. О Совпартшколах // Коммунистический путь. 1927. № 9/10.
24. *Фильченков М.П.* Из истории партийных учебных заведений // Вопросы истории КПСС. 1958. № 1.

A.K. Magomedov
Book Review:
Political Relationship and Political Process in Modern Russia: tutorial / college of authors;
ed. by T.N. Mitrokhina. – Saratov: Stolypin Volga Region Institute of Administration,
2013. – 260 p.

УДК 32.01
ББК 66.04

А.К. Магомедов

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Политические отношения и политический процесс в современной России: учеб. пособие / кол. авт.; под ред. Т.Н. Митрохиной. – Саратов: Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина, 2013. – 260 с.

Рецензируемая книга, написанная коллективом авторов Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, представлена как учебное пособие, хотя подготовленный труд является результатом многолетней исследовательской работы, с выводами которой научная общественность знакома по многочисленным публикациям, в том числе в центральной научной печати, по выступлениям авторов на конференциях разного уровня.

Своевременность появления учебного пособия обусловлена реформами в системе высшего образования современной России. По-